

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXIV Buenos Aires, viernes, 9 de abril de 1982

Буэнос Айрес, пятница, 9 апреля 1982 N° 1667

РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

СЛОВА ПРАВДЫ

Не трудно заметить, что вся революционная политграмма основана на утопиях и лжи. А сейчас изобразились до умопомрачения как большевики, так и демократы. Чего стоит хотя бы лозунг прочитанный мною в советском журнале: "Славься отечество наше свободное"! Ну хоть бы уж молчали...

Демократии же, применяют метод "знаков равенства" в своей пропаганде, внедряя совершенно ложные понятия для нужных им политических целей. Например: царизм равен большевизму, национализм — фашизму и т. д. Доврались даже до утверждения, что советский режим более гуманный, чем "фашистские диктатуры" в Чили, Аргентине или других государствах Южной Америки, где компартии вне закона.

Все выше написанное — лишь предисловие к невероятному скандалу, произошедшему в недрах французской социалистической дипломатии.

В декабре прошлого года прогрессивным французским правительством был назначен послом в Чили Леон Бувье — администратор Международного Института Прав Человека. Следовательно был назначен, казалось бы, верный человек для идеологического разгрома южноамериканского "фашизма".

Чилийский еженедельник "Косас" поместил в конце января с. г. интервью с французским послом. В оном Бувье, в частности, сказал, что он "убежден, что самая несвободная страна Южной Америки — Куба, потому, что коммунизм есть отрицание свободы и вообще система неприемлемая для человеческой природы".

Но вот случилось чудо-чудное, диво-дивное! Г-н Бувье оказался честным человеком!..

Дальше Бувье заявил, что он "с уважением относится к убеждениям французских коммунистов, но когда им придется выбирать между Советским Союзом и Францией, то выбор будет очень затруднителен".

Посол был отозван в Париж для доклада, а вся левая печать, конечно, стала биться в истерику требуя санкций против господина Бувье.

С нашей точки зрения это происшествие совершенно исключительное и мы с энтузиазмом отмечаем сказанные французским послом слова правды о сущности коммунизма.

НИКОЛАЙ КРЕМНЕВ

судьба бахметевского архива

РАПОРТ РУССКОМУ ЗАРУБЕЖЬЮ

Со времени опубликования моего первого рапорта прошел год, и вновь со всех концов зарубежья меня спрашивают, что же происходит в Ньюйоркском архиве, созданном русской эмиграцией при Колумбийском университете после гибели в 1945 г. Пражского архива. Отвечаю опубликованием второго рапорта.

1. К сожалению, по-прежнему эмигрантские деньги русского эмигранта Б. А. Бахметева, предназначенные на русские эмигрантские начинания и антибольшевицкий архив, расходуются без участия Эмигрантского Попечительного Комитета, облеченного доверием Русского Зарубежья. Образование такого комитета было много раз обещано — устно и письменно — но обещания остались невыполненными.

2. Архив, содержимый на эмигрантские деньги, по-прежнему не имеет собственного, полностью отдельного помещения с соответствующим обозначением (как это было до мая 1977 г.).

3. Архив лишен и прежнего характера автономного учреждения sui generis. Он превращен в простую часть библиотеки со всеми вытекающими последствиями.

4. Несмотря на все обращения, призывы, просьбы, архив по сей день не возвращен в компетентные русские руки, а со времени моего устранения в мае 1977 г. находится в руках людей с недостаточным знанием русского языка и исторического происхождения материалов. Имена всех тех, кто с мая 1977 г. рылся и продолжает сейчас рыться в архивных фондах, упорно скрываются и до сих пор, несмотря на все требования, не объявлены эмиграции. Таким образом, впервые за все время своего существования архив оказался в руках некомпетентных людей, неизвестных эмиграции и не облеченных ее доверием. Отсутствие у администрации заботы о таком доверии, конечно, является неслыханным до сих пор и грубым нарушением джентльменского соглашения 1951 г. при основании Архива (президентом университета тогда был генерал Айзенхауэр).

5. Наиболее неблагоприятным сейчас является то, что мои предположения — не трогать без меня те многочисленные материалы, для которых я лично был определен попечителем (с правом назначения преемника), не были приняты к руководству. Трудно представить себе худшее отношение к людям, которые на основе доверия ко мне лично 26 лет наполняли архив ценными историческими материалами. Казалось

бы, их воля должна быть обязательной и непрерываемой, а ею просто пренебрегли. Вскрываются картонные ящики с моей надписью "секретно — не вскрывать", а содержание их читается. Даются сведения из моей абсолютно секретной переписки. Должен предупредить, что я извещил об этом вкладчиков, и прикасающихся к таким материалам без моего разрешения — как служащие университета, так и исследователи — могут быть привлечены к судебной ответственности.

6. При создавшемся в архиве положении вещей нужные исследователям материалы не могут быть отысканы, а необходимые им советы и указания, какие раньше давались в изобилии, теперь не могут быть ими получены. Исследователи вынуждены обращаться за помощью ко мне, но я при всем моем знании и желании не могу им помочь до восстановления в архиве нормального положения в согласии с джентльменским соглашением 1951 г..

7. Основатели архива 1951 г. давали вкладчикам заверения, что если они пожелают, они могут в любое время взять свои материалы назад (например, для опубликования и т.д.). После моего устранения в мае 1977 г. на просьбу о возвращении материалов вкладчикам посылаются высокомерные отказы по народной поговорке — "Что с воза упало, то пропало..." Обращайтесь-де, в суд. Только полумать, что такие рекомендации даются людям, поверившим, что джентльменское соглашение 1951 г. будет строго соблюдаться! Знай вкладчики о возможности печальных событий 1977 г., они никогда не отдали бы своих материалов в архив. А сейчас, естественно, вкладчики переживают чувства горькой обиды и незаслуженного оскорбления. Нынешние вершители судеб архива явно не разобрались в делопроизводстве архива — ведь, там лежат бумаги, в которых черным по белому говорится, что материалы передаются на хранение, а не в собственность.

8. О прежнем непрестанном и обильном притоке материалов со всех концов Зарубежья в этот единственный в мире антибольшевицкий архив не может быть теперь и речи. До моего внезапного устранения в мае 1977 г., фонды архива считались наиболее полно отражающими события последних десятилетий Империи и всю антибольшевицкую борьбу с 1917 г. во всем многообразии. Это понятное всем назначение архива было в мае 1977 г. подорвано: потерявшие доверие эмигранты перестали передавать свои — часто

ценнейшие! — материалы. Продолжается это уже три года и, несомненно, такая нарочито созданная порочная ситуация нанесла большой (а в некоторых случаях и непоправимый) ущерб правдивой истории и будущему объективному исследованию. Радость тут может только КГБ, восхищаясь предельной услужливостью, проявленной при осуществлении "реформы в архиве". Университет, видимо, не заинтересован в новых поступлениях — иначе архив был бы возвращен в компетентные русские руки, а Эмигрантский Попечительный Комитет давно бы действовал. Теперь же русские эмигранты и их организации не только отказались передавать материалы, но не будут оказывать никакой помощи, а также призовут и американских друзей русской культуры не совершать пожертвований учреждению, которое не соблюдает своего слова.

9. В наше время строжайшей экономии очень важно отметить, что я 26 лет создавал архив один при ничтожном бюджете из года в год, а с мая 1977 г. в нем ворошит материалы (как я уже описал выше) целый ряд лиц, чуждых архиву, но оплачиваемых из бахметевских денег.

10. Есть нечто иррациональное в упорном нежелании восстановить добрые отношения с эмиграцией. Объяснить это просто невозможно. Обращения и протесты вкладчиков, друзей архива и общественных организаций — или остаются без ответа, или же им посылаются бюрократические отписки, не содержащие прямых ответов по существу дела. Кому и зачем нужно так оскорблять людей и сеять неприязнь, которой никогда не было раньше?

11. Дело архива за эти годы стало международно известным. Особенно за его развитием следят в университетах, имеющих отделы русистики. Оно останется в истории этих лет. Вычеркнуть его из нее уже никак нельзя — слишком много сказано и напечатано. Тем, кто намеренно затягивают благополучное разрешение этого никому не нужного конфликта и помогают его продолжению, придется уже нести ответственность перед международной культурной общественностью и, конечно, перед историей. Сильный жестоко обидел слабого и отнял у него его национально-культурное достояние.

12. Если прошлая администрация университета, вынужденная как-либо признать огромный жертвенный вклад Русского Зарубежья в дело создания архива, думала, что назначением проф. Раева почетным куратором, она успокоит русскую эмиграцию, то теперь ясно видно, что этот

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЛАДИМИР ПОРЕШ

Нам пишут из Мюнхена:

Отбывающий концлагерный срок за участие в христианских семинарах Владимир Пореш объявил голодовку, требуя возврата отнятого у него гебешниками Евангелия. Голодовка продолжалась 70 дней, причем к заключенному применялось насильственное кормление. В настоящий момент В. Пореш находится в карцере и ему отказано в свиданиях до ноября 1982 года.

АЛКОГОЛИЗМ В СССР

Нам пишут из Нью Йорка:

Американец русского происхождения Владимир Тремль, заведующий университетским центром по изучению алкоголизма в штате Нью Джерси, постарался разобраться в вопросе: сколько пьет подсоветский человек?

В своей книге "Спиртные напитки в СССР" Тремль сообщает, что в стране сейчас производится около 3 миллиардов литров водки в год (в два с лишним раза больше, чем в 1955 году), около 4 миллиардов литров виноградного вина, 200 миллионов литров шампанского, 100 миллионов литров коньяка и 6,5 миллиардов литров пива — втрое больше, чем четверть века назад. Это означает, что подсоветское население потребляет 2,5 миллиарда литров в год (в 1955 году — 650 миллионов). Таким образом, на каждого жителя СССР, включая грудных младенцев, приходится почти 10 литров так называемого чистого алкоголя (втрое больше, чем в 1955 году).

Но, кроме этого, Тремль подсчитал, что в СССР потребляется за год 1,1 миллиардов самогона. Из них 1 миллиард — сельскими жителями. Учету же совершенно не поддается количество украденного спирта, так же как и различные потребляемые денатураты.

В результате всего этого, средняя продолжительность жизни в СССР сократилась — единственный случай среди так называемых развитых стран! У мужчин — с 65,5 до 64 лет. Увеличились же детская смертность и количество аварий на дорогах. Из 50.000 погибших в 1978 на дорогах — 33.000 по вине пьяных водителей. К тому же 90% всех случаев

результат не был достигнут. Эмиграция знает, что проф. Раев никогда не имел никакого отношения к созданию и организации архива. И, конечно, никакие титулы не могут ничего изменить в этом факте. Отовсюду спрашивают, за какие именно заслуги перед архивом проф. Раеву был присвоен титул почетного куратора?

13. Как пишется в обращениях к президенту университета, эмиграция не прекратит своих требований, не откажется от своего национального достояния — архива и не допустит, чтобы еще одно русское начинание — на глазах всего цивилизованного мира — ушло из русских рук, было силой выхвачено из них. Нельзя также забывать, что сейчас законодатели и правительство США призывают всех к самому бережному отношению к национальным культурным ценностям каждой этнической части населения. Неужели Колумбийский университет может отвергнуть и это?

Из редакционной почты

ВЛАДЛЕН — СОТРУДНИК "НОВОГО РУССКОГО СЛОВА"

Пишу вам об одном незаурядном событии, которое, к моему сожалению, до сих пор не вызвало никакой реакции среди читающей публики.

В Нью Йорке обнаружился первый Владлен! Вы, конечно, знаете, что значит это милое имя: оно составлено из двух частей — Владимир и Ленин.

Так в СССР преданные партии граждане называют своих мальчиков.

Эта кличка может быть приемлема в СССР — среди особого сорта граждан. Но здесь, за границей, где живут русские антикоммунисты, выставить напоказ такую позорную кличку — является вызовом.

Итак, в газете "Новое Русское Слово" от 5 февраля с.г. появилась статья на тему, как бороться со злоупотреблениями, творимыми советской почтой с почтовыми отправлениями из-за границы. Статья написана толково, и может быть интересной для тех, кто посылает много писем или пакетов в СССР своим друзьям и родственникам. Против самого содержания этой статьи ничего не скажешь. Однако, подпись под ней вызывает отвращение и удивление. Как могла антикоммунистическая газета допустить такой ляпсус: статья подписана Владлен Павленков?!

Подавляющее число авторов подписывает свои статьи в этой же газете только своей фамилией и инициалом имени. Если бы и автор этой статьи подписался В. Павленков, то никакого возмущения это и не вызвало бы.

Конечно, ребенок не был виноват в том, как его назвали родители. Но став взрослым человеком и отправляясь в антикоммунистическое зарубежье, выставлять напоказ свою позорную кличку не годится. Тем более, что при въезде в США переменить свое имя ничего не стоит.

Интересно было бы знать, что стоит за этим?

хулиганства, 80% изнасилований и 80% убийств — на почве алкоголя.

А коммунистическая власть на всем этом зарабатывает, делая вид, что борется с алкоголизмом. В 1979 году она выкачала за водку у населения 39 миллиардов рублей — в пять раз больше, чем в 1955-ом.

"ЛЕНИНГРАД"

Нам пишут из Франкфурта:

В статье, опубликованной "Посевом" за февраль 1982 года А. Жуковский сообщил, что в России учащается вид покушений на памятники Ленина — в несметном количестве изгаживающие страну.

В Петрозаводске памятник Ленину был вымазан волчьим салом, после чего городские собаки, сбегавшие со всех сторон, с остервенением облаивали монумент "самому человечному человеку", пока того не сняли и не отмыли.

Похожий случай произошел в другом городе, где памятник Ленину был облит валерьянкой. "К месту преступления была послана милиция

с боевым заданием: разогнать кошачий концерт, собравшийся у поста-мента. А разогнать нализовавшихся валерьянки коты — задача не из легких..."

По непроверенным сведениям на памятнике Ленину перед Финляндским вокзалом в Ленинграде появилась надпись: "Петр построил Петроград, а не ты, плешивый гад". В этом же городе произошел инцидент, когда в светящемся названии гостиницы "Ленинград" погасла буква "р".

В Самаре (ныне — Куйбышев) памятник Ленину был снят и утоплен, а вскоре после этого еще один памятник взорван.

Но страдает не один Ленин. После того, как Брежневу поставили его бюст в родном городе, из Днепропетровска (ныне — Днепродзержинск) поступили сведения, что некий народный умелец выбил на груди бронзового генсека лишнюю звезду. Когда шум вокруг этого улегся, против злосчастного бюста был совершен новый террористический акт: ему повесили на шею гирлянду сосисок.

Известен и ряд других подобных

случаев.

Как пишет А. Жуковский, этот "террор" против шедевров советского зодчества, по-видимому появился вместе с возникновением самого зодчества: известен случай, когда в 30-х годах в Днепропетровске сильно пострадал памятник, изображавший Ленина и Сталина, сидящих на скамейке. Какой-то не робкого десятка шутник вымазал дегтем "причинные места" обоим сидящим. Памятник был из цемента и деготь вьелся настолько глубоко, что многократные попытки очистить вождей ничего не принесли; их пришлось заменить какими-то другими.

ДЕЛО ИВАНОВА-СКУРАТОВА

Нам пишут из Мюнхена:

По делу арестованного бывшего сотрудника осиповского журнала "Вече" Анатолия Иванова-Скуратова были вызваны в КГБ на допросы бывший главный редактор журнала "Человек и закон" С.Н. Семанов, два сотрудника этого журнала, художник Илья Глазунов и один работник Генерального Штаба.

А. Иванов-Скуратов обвиняется по статье 70-ой.

СЮЗАН ЗОНТАГ

Нам пишут из Нью Йорка:

На большом собрании в защиту Польши, известная левая американская писательница и журналистка Сюзан Зонтаг осмелилась во всеуслышание провозгласить, что дело не в "извращении настоящего коммунизма", не в отклонениях от указанного Марксом и Лениным пути и не в "русском варварстве", а в том, что коммунизм "деспотичен по своей природе".

Выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы в кругах "радикальной" интеллигенции. Не замедлила проявиться и ее реакция: раздражение, злоба и клевета.

Самые умеренные утверждают, что им непонятно стремление писательницы "каяться в том, в чем она не виновата — в русском варварстве", виновном во всем. Неумеренные не скупятся на инсинуации, что Сюзан Зонтаг — за мзду — перешла на сторону классового врага.

Демократическая же газета "Нью Йорк Таймс" отказалась воспроизвести выступление разочаровавшейся левой властительницы дум под тем предлогом, что оно в первую очередь было напечатано микроскопической газеткой "Сохо Ньюз".

14. В довершение всего в университетском журнале за октябрь 1980 г. была напечатана заметка о Бахметевском архиве. В ней нет упоминания ни о великом генерале Айзенхауэре, которому Ньюйоркский архив обязан своим возникновением, ни о незабвенном великом друге русской культуры проф. Филиппе Артуровиче Мозли, память которого мы все чтим и почитаем, ни о джентльменском соглашении 1951 г.. О Б. А. Бахметеве говорится мимоходом, как о случайной фигуре в архиве, без надлежащего указания на его заслуги и перед университетом (он был его профессором), и при создании архива как автономного учреждения sui generis. Архиву дана совсем новая характеристика: скрыта его антибольшевизкая сущность, совсем исключены и не отмечены материалы Белого Движения, составляющие около 80% всех фондов; не указана ни одна коллекция вождей и участников антибольшевизкой

борьбы с 1917 г. во всем ее многообразии. Опубликование этого нарочитого "кривого зеркала" не может не оскорбить — глубоко оскорбить — каждого русского антибольшевика. Из заметки выходит, что архив упал с неба — совсем не сказано, что его жертвенно создала русская эмиграция, как памятник Империи и антибольшевизкой борьбы с самого ее начала. Но во всех университетах свободного мира это знают, и, конечно, такая препарированная публикация никого обмануть не может. Она только лишней раз подтверждает, что после моего устранения в 1977 г. архив полностью утратил свою автономию и влит в библиотеку с целью совсем изменить его подлинное назначение.

Обращение от организаций и отдельных лиц к новому президенту университета (Dr. M. I. Sovern, President, Columbia University, New York, N.Y. 10025), несомненно поможет ему лично разобраться в деле архива

и восстановит прежние добрые отношения с эмиграцией по джентльменскому соглашению 1951 г..

Он, конечно, знает, что одним росчерком административного пера и в один день нынешнее ненормальное положение может быть устранено и архив возвращен в компетентные русские руки. Пишущий эти горькие, но искренние строки готов оказать свое полное содействие любому благоразумному мероприятию, которое положит конец тягостному (и никому не нужному) конфликту Колумбийского университета с Русским Зарубежьем. Ведь 26 лет — до мая 1977 г. — отношения были безоблачными и для обеих сторон исключительно плодотворными. Они могут быть в один день восстановлены, если только президент Соверн пожелает.

ЛЕВ МАГЕРОВСКИЙ
куратор — основатель
Бахметевского архива
(1951-1977)

А. МАКРИДИ

МОЯ ЖИЗНЬ

Худшие предчувствия, появившиеся в Новочеркасске, полностью оправдались в первом же столкновении с красными. Латышам не требовалось больших усилий, чтобы справиться с нами: их было в несколько раз больше, они нас ждали и они были настоящими солдатами, в то время, как мы больше походили на слабосильную команду.

Нашим недостаткам сопутствовали неудачи. Так, например, единственный пулемет, да и тот паршивый — Гочкиса, с самого начала испортили, попав пулей в дуло! (Этот фантастический случай я мог бы подтвердить под присягой). Пока прислуга соображала, что дальше делать, ее перебили. Поубивали всех полевых сестер, пытавшихся перевязывать раненых. Этих тихих подвижниц Белого Движения, принятых под омофор Богородицы, следует почитать особ...

В память осколками врезались на черной пашне или белой пороше раздетые маленькие тела в больших сапогах. И через шестьдесят лет сгибаются колени для земного поклона перед величием скромности, с какой русские гимназистки, еще не начавшие жить, вернули родившей их земле все, что им было отпущено для радости, а может быть и счастья...

Когда меня ранили, я не сразу сообразил — что случилось. И даже оглянувшись, узнать кто и зачем, и чем меня ударил по руке. Рука повисла, пришлось оставить винтовку. Атос лежал в десяти шагах.

— Шура! Винтовку возьмешь?

— Ты что, ранен?

— Как будто.

Атос нахмурился и стал стрелять с остервенением.

— Ползи сейчас же к поезду!

Легко сказать — ползи! По замерзшей пашне полверсты, без рук: одна ранена, другая ее поддерживает. Ползи! Что я, гусеница, что-ли?.. Я просто пошел во весь рост, спотыкаясь и заботясь только о том, чтобы не упасть. Папаху сбиль и по шинели внизу дважды стегнуло, но дошел и потерял сознание; не от потери крови, а от избытка чувств.

В новочеркасском лазарете я узнал, что в первом бою наш отряд, числом в двести пятьдесят штыков, потерял двести десять. После второго, осталось восемь. Под предводительством командира отряда, они вернулись в Новочеркасск для пополнения...

Ранен я был не тяжело, в предплечье около локтя, пуля прошла посередине руки, но между костями, почти их не задев. Рана быстро зажила, я отъехал и отоспался. Каждый день меня навещал больничный батюшка-казак. Он с интересом слушал рассказы о Москве, а после того, как меня наградили званием "приписного казака", потешался надо мной: "родители не русские, а ты донской казак! Вот это котлета!"

Чернецовские и семилетовские отряды, в меру сил, заслоняли Дон от красных. Записывалась по-прежнему зеленая молодежь, офицеры отлынивали, а казаков, местами, кто-то успел даже распропагандировать в пользу коммунистов. Нависшей над Доном тучи никто не хотел замечать.

Заметили не раньше, чем из нее вырвался огонь и раздался оглушивший всех выстрел, покончившего с собой генерала от кавалерии атамана Каледина, одного из лучших российских военачальников. Иные

"историки", из числа тех, кто на цыпочках покидал последнее офицерское собрание не дослушав последней речи их атамана, взывавшего в последний раз к их патриотической совести, впоследствии приравнивали самоубийство генерала Каледина к дезертирству и ничем другим, как этим, не обосновывали постигшие в дальнейшем Всевеликое Войско Донское беды. А было наоборот: атаман Каледин именно потому и застрелился, что окончательно убедился в своем одиночестве и безнадежности создавшегося положения; умный и волевой человек способен был спасти его не только силой оружия, но оказался бессильным перед лицом шкурников, перед сонным лицом тупых обывателей, какими стали офицеры, "уставшие" воевать с немцами.

С грустью вспоминается, что немецкие офицеры, наверное, уставшие воевать не меньше, несколькими годами позже, без митингов, уговоров и мобилизации, вышли на улицу при первых выстрелах "Спартака" и разбили его так, что никто спастись не успел, кроме Клары Цеткиной, да и та померла в Москве на пенсии, так и не востребованная больше мировой революцией.

Со смертью атамана Каледина, на Дону воцарилась пустота, быстро заполнившаяся красным воинством и его советской властью. Из Ростова уходили наспех сформированные, никем не поддерживаемые, бедно экипированные начатки Добровольческой армии, численно не достигавшей состава русского полка мирного времени. "Армия" состояла не только из военных, но в значительной мере, из гимназистов, студентов, семинаристов и другой молодежи, знакомой с военным делом только по рассказам. "Армия", немногим превышавшая две тысячи, выступила в Неизвестность под водительством двух главнокомандовавших российской Императорской армии. Ненормальный по величине обоз этой армии состоял из представителей политической радуги и их семей со всей России, угнездившихся на Дону за спинами полуобутых белых добровольцев и партизан, пытавший я создать разреженный, хотя бы, фронт против напавших красногвардейцев. Фронт определиться так и не успел, зато тыл блистал бриллиантами

купцов и спекулянтов всех гильдий, ослепительными бальными туалетами, оглушал ресторанными оркестрами и затоплялся шампанским. Уставшие воевать офицеры в диагональных бриджах и шевровых сапогах с незаконными шпорами украшали запоздавшее нач до гражданской войны в ее тылу, остались у красных и в большинстве своем были расстреляны. Меньшинству удалось устроиться военными инструкторами Красной армии.

Золотой запас, скопившийся в южных банках, принадлежал миллионерам, скопившимся около банков. Они зря деньги на ветер не швыряли и смущенно мялись, когда генералы Корнилов и Алексеев обращались за поддержкой для Добровольческой армии. Будучи воспитанными людьми, они именитым генералам не отказывали и какие-то тыщечки на солдатскую обувку подбрасывали, но миллионы золотом достались не белым, а Ленину и Троцкому, а уж через них попали за границу на организацию революционных восстаний. Достались, как вполне законный трофей потому, что в критический момент владельцы золота бежать успели, а золото просто некому, не на чем и некуда было вывезти.

Так как безвластье на Дону предшествовало захвату власти коммунистами, раненые, наполнявшие новочеркасские больницы, тоже, как трофей достались красным: как и золото, их некому, не на чем и некуда, да и некогда, было вывозить; от них скрыли положение вещей и оставили на милость победителей, не замедливших эту милость проявить штыками в палатах тяжело раненых.

Я не принадлежал к их числу, но тоже, наверное, попался бы, не пользуйся личным расположением пожилой сестры; получив распоряжение скрыть от раненых "во избежание паники" предстоящее вторжение красногвардейцев, она не послушалась и всех, кто мог ходить, потихоньку выпровоживала из лазарета, а тяжело раненых укрывала по знакомым. Не менее трех десятков обязано ей спасением. Меня она привела к себе, помогла переодеться в свое и вывела в потемках на улицу, по которой спускался к Аксаю санный обоз. При очередной заминке, спросила:

— Вы куда?

— А кто ж его знает, кажись в Старочеркасскую.

— Мальченку подвезете? Без вещей...

— Пуцай садится, жалко что ли...

Широко перекрестив на прощание, сказала:

— Племянник у нас такой был, тоже отчаянный!

Старушка меня явно переоценивала. Ну и пусть, к чему ее разубеждать? Я и сам мнил себя героем, пока не попал в "самделишное" сражение, в котором вспомнил еврея, как он из окопов немцам кричал: "Что вы делаете?! С ума сошли!! Здесь же живые люди!!!" Признаться, этот анекдот казался мне уже менее смешным. Моя воинственность осталась, вместе с детством под материнским Бехштейном, где воевать с оловянными солдатами было куда проще, а главное, безопаснее...

За весь путь, возница только раз открыл рот:

— Курево какое, есть что ли?

Я протянул кисет с махоркой, чудом сохранившийся в кармане шинели.

Возница закурил и молча сунул кисет за пазуху.

На месте я узнал, что "в Ольгинской, говорят, генеральский отряд, какой-то остановился". "Генеральский отряд" был занят переправой через Дон по тонкому льду и на мое счастье, не торопился. Когда я его настиг, меня с подвязанной рукой сразу забрали в обоз, и что было очень кстати, сначала накормили, а потом уж сделали перевязку. На печении лекарей пришлось проделать часть первой половины Ледяного похода и всю вторую; донская рана зажила на славу, зато екатеринодарская контузия до сих пор о себе напоминает.

Приказом по Армии, учащуюся молодежь сразу произвели в "походные юнкера", что вызвало безудержное ликование с криками ура. Один кадет от радости целую сажень на руках прошел. Радость нужно объяснить: "походный юнкер" открывал путь к офицерскому производству, каковое и получили уцелевшие подростки за участие в боях наравне с настоящими юнкерами. Таким образом, и я стал прапорщиком, чем, разумеется, гордился больше всего.

Но одно дело блистать единственной офицерской звездочкой в начале жизни, и другое — в конце ее, среди самодовольных полковников в штатском. Один из них даже припомнил, что "курица не птица, прапорщик не офицер". Пришлось огрызнуться: "стать прапорщиком в шестнадцать лет труднее, чем в шестьдесят пять полковником". Я пощадил шутника и не добавил "эмигрантского самопроизводства". "Полковник" оценил мое великодушие и больше не приставал.

Совсем иначе отнесся к моему чину К. Е. Аренбургер (Аренский), известный публицист. Узнав, после нашего многолетнего знакомства, что я прапорщик, Константин Евгеньевич взволновался: "Что ж вы это так долго скрывали?! — писал он — За сорок лет я встретил в эмиграции первого прапорщика; ведь, вас показывать надо, сколько денег заработать можно было!"

Но несмотря на все это и даже хранящиеся для чего-то документы, я не уверен в законности моего офицерского звания; чин прапорщика был упразднен при имп. Александре Третьем и восстановлен только во время Первой мировой войны, под конец которой, из-за сильной убыли офицерского состава, прапорщики нередко командовали на фронте ротами. Я же никогда, никем не командовал, если не считать домашнее зверье. Да, и оно, кажется, мною командовало больше, чем я им.

(Окончание)

ДОРОГИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ!

Прошу еще немного подождать моих ответов на Ваши письма.

Первый этап моего лечения закончился, но, к сожалению, сопровождаемый сильными болями в области пищевода и передающимся рефлексом не менее сильных болей в спине.

До сих пор, при помощи друзей (мужа и жены, которые научились работать на машине), и моего брата, газета выходит регулярно. Я могу набирать частично номер, но на большее у меня нет никаких сил.

Надеюсь, что второй этап моего лечения будет менее болезненным и я смогу больше уделять времени набору газеты и писанию писем.

ТАТЬЯНА ДУБРОВСКАЯ

НОВАЯ ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ" В АРГЕНТИНЕ

С № 1664-го (от 19.3.1982) цена отдельного номера газеты

будет равняться

6000 пэсо.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

мимикрия в С.С.С.Р.

Новая книга сотрудницы "Нашей Страны" описывает самое темное время в истории Советского Союза: 1935-1942 г.г. Она показывает, как русские люди, с разной степенью стойкости, сопротивлялись коммунистической идеологии и пытались оградить от ее влияния себя и своих близких. Книга эта, в некоторой мере, является продолжением "Студентов первой пятилетки" — бывшие студенты теперь инженеры; именно эти люди донесли и сохранили до сегодняшнего дня все, что осталось в СССР нормального: семью, веру в Бога, национальный характер, верность друзьям.

Выписывать из:

Neimanis Buchvertrieb, Bauerstrasse 28, 8000 Muenchen 40
West Germany

или

Mr. B.G. Miller, 83 Baring Road, London SE 12OJS, England

Цена: 30 НМ

322 стр.

Поступила в продажу новая брошюра

игумена ГЕННАДИЯ (Эйкаловича)

"БЕСЕДА ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ"

Цена — 4 доллара. Заказы направлять:

Mr. George Benigni, P. O. Box 78, Carmel Valley, Cal. 93924, U.S.A.

Там же заказывать: "Дело о. Сергия Булгакова". Цена 5 долларов.
Для книжных магазинов — обычная скидка.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИНСТИТУТОВ

устанавливает 16-го мая с.г. в 4 часа дня
в зале Корпусного Дома (Сан Мартин 344, Вижа Бажестер)

ПАСХАЛЬНЫЙ ЧАЙ

Просьба заранее записаться по телефонам: 791-7988, 795-9539
и 766-8404, так как число мест ограничено.

Протоиерей АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ

... ПАМЯТЬ ИХ ИЗ РОДА В РОД

ТО, ЧТО НАДО ЗНАТЬ, СОХРАНИТЬ, ДОНЕСТИ

Прочтя эту книгу Вы станете как бы свидетелем того духовно-го состояния, в котором неотступно пребывали члены Царской Семьи во время своего заключения. Такая великая и священная возможность открывается нам благодаря тому, что сохранилась одна из книг духовного содержания, которую, находясь в ссылке, они с собой возили, которую до последних дней своих читали и на страницах которой подчеркивали особенно близкие им места. При чтении этих подчеркнутых мест пред всеми раскрывается внутренний мир сделавших эти заметки.

ЭТО ПОТРАСАЮЩИЙ ДОКУМЕНТ!

Другие три главы настоящей книги посвящены
Великой Княгине Елизавете Феодоровне,
Храму-Памятнику в Брюсселе и
Великому Князю Николаю Николаевичу.

В книге много фотографий, из коих некоторые печатаются впервые.

Цена книги — 8 долларов.

Просим заказы адресовать:

St. Seraphim Foundation
322 West 108 Street
New York, N.Y. 10025, U.S.A.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

О ЗАГОВОРЩИКАХ

В связи с письмом в редакцию князя Николая Романовича "О царевубийстве справа" ("Наша Страна" № 1662) позволяю себе напомнить об имеющихся свидетельствах, подтверждающих наличие заговора с участием главнокомандующих задолго до отречения Государя.

Лемке: "250 дней в Царской Ставке" — 1920 г.:

"Меня ужасно занимает вопрос о зреющем заговоре... По некоторым обмолвкам Пустовойтенко видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор..."

Мельгунов: "На путях к дворцовому перевороту", стр. 94-102:

"Можно думать, что откровенные беседы велись в январе 1916 года, когда Львов и Челнаков были приглашены в Ставку на совещание

по продовольствию армии..." "Речь шла уже о заговоре в стиле дворцовых переворотов 18-го столетия, при которых не исключалась возможность и царевубийства".

Деникин: "Очерки Русской Смуты", том 1-й, стр. 31-39:

"Предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение Государю отречься от престола, а в случае несогласия — физическое его устранение".

Принимая во внимание, что Уголовное Уложение говорит: лица, знающие о готовящемся злоумышлении и не сообщившие о том, являются соучастниками преступления, главнокомандующих следует таковыми считать. Что касается их "долга" — надо полагать, что первым долгом является верность присяге.

Лия Слезкина (Аргентина)

Сергей Шмид предлагает новые, только что полученные книги:

Собр. Соч. Л. Н. Толстого в 20 томах (первые 8 томов).

Собр. Соч. М. Ю. Лермонтова в 4 томах.

Собр. Соч. Ираклия Андронникова в 3 томах.

Ильф и Петров — "Двенадцать стульев".

Хавронина — "Русский язык в упражнениях для говорящих на испанском языке".

В ближайшее время будут получены:

Собр. Соч. Е. Евтушенки в 2 томах.

Собр. Соч. Мамина-Сибиряка в 6 томах и книги других известных писателей.

Принимаются личные заказы на книги. Обращаться по адресу:
Av. Corrientes 1710, Piso 6 (esq. Callao), 1042 Capital Federal

Дни и часы: понедельник, среда и суббота с 16.30 до 21.00 часа.
Телефон. 40-8031

ТРЕБУЕТСЯ НА РАБОТУ В МАГАЗИН

МАТРЕШКА

(Galeria "Buenos Aires", Florida 835, loc.40)

продавец (продащица), декоратор и подмастерье.

К. СВЕДЕНИЮ!

В данный момент в этой галерее очень недорого сдаются магазины.

В издательстве

НАША СТРАНА

вышла из печати и
поступила в продажу
книга

ВАЛЕНТИНЫ БОГДАН

СТУДЕНТЫ

первой

пятилетки

Валентина Богдан

СТУДЕНТЫ
Первой Пятилетки

С заказами обращаться:

Tatiana K. de Dubrowsky, Monroe 4219 Dep. 10 Bs. Aires (30) Argentina
Цена в Аргентине — 50.000 песо, в США и других странах — 8 ам.долл.